

Надежда СЕРЕДИНА

г. Москва

Роман на кофейной гуще
рассказ

... Был красивый августовский закат. Мы шли по лугу босиком и искали, где можно перейти речку. Вот навстречу нам идут загорелые веселые девушки и парни.

– Там можно перейти? – спросила Инга, указав рукой на заросли куги.

– Можно.

– А глубоко?

– Нет. Вот, – показала девушка на колени.

Вот мы уже ступили на твердые, словно валуны, кочки ссохшейся грязи, выбитые копытами лошадей и коров. Потом комья стали мягче, и началась настоящая грязь. А вот и река-ручей. Мы подняли юбки... Но напрасно – вода по колено. Идем по скользкой жиже, переходим. И вот под ногами песок – это правый берег реки.

Речка Усманка, в одних местах сузившаяся до ручья, который можно перейти по колено, здесь, в месте Старицы, была широченная, как море.

Инга вошла в воду сразу. И поплыла на закат.

– Как хорошо! – сказала она, взмахивая руками. – И вода теплая. Как удивительно! Конечно, это не море... Но как хорошо!

* * *

На море Инга мечтала поехать каждое лето, но перестроечные государственные дела изменили жизнь людей, и когда-то обычная поездка к морю стала для большинства дорогим удовольствием. Инге казалось, что она не отдыхала лет сто, а у моря была когда-то давным-давно вовсе не она, а другая женщина – из какой-то другой, заоблачной, счастливой жизни.

И вот в руках билет. Дождь за окном уже не пугает. Казалось, после весны началась какая-то затяжная осень, а не лето. Лето проходило стороной.

Инга быстро собрала чемодан, поставила его около двери, оставалось еще время на чашечку кофе. Она любила свежемолотый кофе в зернах.

Она никого не ждала, никто не должен был ее провожать.

После смерти мужа прошло почти шесть лет, и Инга смирилась с тем, что уезжала одна. Ее лучшая подруга в самый последний момент сдала билет. ... Было боязно ехать одной, и свой поступок она считала почти авантюрой. Но Инга не могла отказаться от мечты.

...Кофе она готовила в маленькой медной турке, держа ее на огне за деревянную ручку. Вот кофе помутнел, зашевелился, ожило что-то на дне старой закопченной турки. Снизу поднимались темно-шоколадные крупинки, точно черный песок с моря. И вот вода уже стала пениться, как шампанское, пузыриться.

От тепла, от красно-синего язычка пламени в турке закипела другая жизнь. Все сильнее и сильнее мутнела простая водопроводная вода. Все сильнее вырывались со дна песчинки черного кофе. И наконец пошел благоухающий аромат, запах и вкус которого придавал силы ночью, когда она писала сама или правила чужие рукописи, и утром, когда не было сил вставать и идти на работу.

Инга посмотрела на часы. Через полчаса надо выходить. Кофе пила маленькими глотками. Это была минута отдыха и наслаждения. Все! Она уезжает! Разве можно в это поверить, что завтра она будет у моря!

Чашечка опустела, и на дне ее остались лишь две-три капли и крупинки молотого кофе — кофейная гуща — без вкуса и запаха. И вдруг кто-то берет ее руку и переворачивает чашечку над блюдечком. И... Наваждение прошло. Она приходит в себя. Улыбается и идет проверить еще раз краны, перекрыты ли они достаточно плотно, отключен ли холодильник. Закрывает форточку в спальном комнате. Все! Кажется, все! Собака в деревне, у мамы. Газ, вода, свет... Все нормально. Все выключено. Билет, паспорт в сумочке. Все — можно выходить. Возвращается на кухню... Перевернутая чашечка с кофе... Поднять? И что там на кофейной гуще? Что за причуда перед дорогой? Никто не провожает, поэтому грусть сквозь радость. И причуда — это чудо, которое спасает нас от грустного одиночества. Инга медленно поднимает чашечку над кофейной гущей. И видит... На нее глядит мужчина... Что? Он еще и лысый? Перед ней миниатюрная маска. Она видит и рот «драко-

на», большой, широкий, и, словно на фотографии, темные большие зрачки глаз. Ей захотелось даже сфотографировать эту маску, но фотоаппарат был уже упакован в чемодан, а чемодан стоял у двери. И время... Время грозило ей опозданием на поезд. Она схватила чемодан и рванула дверь на себя! Все! Старый усталый мир позади, сейчас она его закроет на ключ и выйдет.

* * *

Дождь преследовал ее, и как бы поезд ни добавлял скорости, дождь не отставал, он сек по окнам железными прутьями, оставляя рубцы и струящиеся слезы.

На боковой полке плацкарты одни просили других поменяться. Кто-то соглашался, кто-то нет. Наконец поменялись. А поезд ехал к морю. Поезду было все равно, кто на какой полке спит.

— Папа, можно я буду спать на верхней полке? — спросила девочка.

Мужчина, новый хозяин двух боковых полок, помог девочке забраться.

— Галя, не упади! — сказал он ей.

Девочке было лет восемь, она счастливыми глазами смотрела, как смешно покачиваются бутылки с минеральной водой на раскладном столе, как мелькают за окном дома и деревья и как поезд стремительно догнал лошадь с телегой и оставил далеко позади и возницу, и четвероногое его средство передвижения. Велосипеды, машины и даже птиц — все обгонял поезд.

Инга наблюдала за жизнью отца и дочери, и ей казалось, что она никогда не испытывала такой заботы и любви, которую этот мужчина дарит своей дочери. Он был так внимателен и предупредителен с ребенком. «Бывают же счастливые семьи», — думала она. Он лет сорока, высокий, хорошо сложен. Видно было, что долгое время поддерживал спортивную форму. Но было что-то в мужчине очень странное, ей все казалось, что она его уже знает или, по крайней мере, где-то видела. Глаза темные, большие. Лысоват. Инга невольно рассмеялась, и, чтобы люди не заметили ее стран-

ность, покачала головой, словно смеется над девочкой. Инга узнала его. Да! Это он — человек-маска из кофейной гущи. И ей стало не по себе. Мистика... «Неужели эта встреча была предопределена судьбой? — думала Инга, отвернувшись к окну. — Я же решила — никаких романов, тем более курортных. А что это я беспокоюсь заранее — побережье большое и неизвестно куда они едут».

От этой мысли ей стало весело, и Инга улыбнулась. Мужчина с боковой полки перехватил ее взгляд, поднял голову от книги, привстал, взглянул на дочь, но, не найдя ничего смешного, опять взглянул на Ингу. Она почувствовала замешательство и отвернулась к окну, где все менялось и двигалось с быстротой летящей птицы.

— Папа, можно я буду спать на нижней полке? — спросила девочка.

Отец аккуратно снял дочку с верхней полки, постелил внизу, и девочка быстро уснула.

* * *

Проснулись все в плацкартном вагоне уже почти родными, смотрели сонными глазами друг на друга, шли умываться, как будто живут в одном доме под одной крышей.

— Пап, у меня коса расплелась! — капризно сказала девочка.

Он промолчал.

— Заплети! — потребовала дочь.

— Я не умею, — беспомощно сказал мужчина.

— А как же я буду?! — Девочка капризно дергала сама себя за косу.

Глаза мужчины встретились с взглядом Инги, и она вновь почувствовала, как он словно магнетизирует ее своей властью.

— Подойди ко мне, я тебе заплету косу! — Инга нарушила безучастное наблюдение.

И девочка охотно подошла.

Инга достала свою итальянскую расческу из красного дерева и занялась косой девочки. Волосы были мягкие, как лепестки нарцисса, они послушно распрямлялись под гребнем и заплетались в косу.

— А вы где живете? — спросила девочка.

— В Воронеже. А ты?

— В Москве. А вы где будете жить на юге? — спросила девочка.

— В «Искре». А вы где?

Девочка отошла к отцу, но сразу вернулась:

— И мы в «Искре»! А где вы выходите?

— В Небуге.

— Ура! — воскликнула девочка и взглянула на Ингу глазами отца. — И мы в Небуге! Ура!

* * *

Стоянка три минуты, и поезд следует дальше, в Сочи. Сергей взял чемодан Инги в одну руку, свою спортивную сумку в другую и понес к выходу. Она успела глянуть в его глаза, глаза магнетизируют, а сам он ничего не говорит. Инга взяла за руку его дочь. Галя радостно сжала своими пальцами ее ладонь. Галя редко виделась со своим отцом, и тетя Инга была ей просто необходима для жизни без мамы.

Юг встретил их мелким дождиком. Но это был уже другой дождь — теплый, ласковый, с проблесками солнца и полноцветной радугой. Галя визжала от радости и висла на руке доброй тети.

Вот и частный пансионат. Люди, приехавшие к морю с детьми, спешили занять комнаты получше. Ингу должны были поселить одну в комнату, но кто-то ее опередил. Хозяин пансионата извинился и провел ее в двухшку. Но опять возник плач детей и суета, и опять хозяин пансионата извинился, и Инга оказалась в трешке. В трешке, разделенные тумбочками, стояли три кровати. Ее соседями по кроватям были женщина с девочкой лет шестнадцати. Этого ребенка едва ли можно назвать девушкой: она медленно, невнятно говорила, без матери никуда не выходила, а с лица ее не сходила улыбка дауна.

— Ин-га? — добродушно-глуповатая улыбка сияла на лице больной девочки. — Ты куда идешь?

— Гулять...

— Не ходи одна, там серые волки под горой, зубы точат, нас съестъ хочат... Не ходи туда одна.

Окно выходит на горы. Она будет жить две недели у подножия горы. Инга открыла створки и почувствовала необыкновенную горную

свежесть, которая придала ей силы, терпения и радости. Она быстро переделалась в купальник и топик. Взглянула на себя в зеркало, подкрасила губы и, поправив рыжую прядь волос, водрузила на голову шляпку из соломки. В сумочку из такой же соломки положила новое махровое оранжевое полотенце и пошла к морю.

«Благодарю тебя, море, что я здесь, — шептала соленые от воды губы. — Благодарю тебя, волна!»

Потом был обед. Галя подбежала к Инге, взяла ее за руку и потянула за собой:

— А мы на вас уже заняли столик. Вот ваше место, тетя Инга.

Инга не возражала.

А вечером, после ужина, когда Галя играла с детьми во дворе пансионата, Инга и Сергей пошли прогуляться по набережной. У пирса стояли корабли, прибывшие из дальних странствий, дул свежий ветер с моря, в небе сияла луна в окружении блистающих звезд.

Зашли в таверну. Загадочный свет. Музыка. Лучшие вина Кавказа. Инге нравились в нем манера говорить, танцевать, ухаживать за столиком, смеяться — все было приятным. Его пронизывающий взгляд, казалось, рождает тайный, непостижимый, мистический страх, как гадание на кофейной гуще. Какой-то странный страх заставлял ее быть сдержаннее. Он о себе говорил коротко: служу Отечеству... Официантка принесла и поставила на стол толстую свечу в стеклянном подсвечнике и еще по бокалу красного вина.

У Инги кружилась голова. Все происходящее ей казалось фантастически неправдоподобным, загадочным, словно в сказке.

Вернулись — дочка, заплаканная, растрепанная, испуганная. Не спит, а сжимает подушку... Он блеснул серебристыми белками глаз, но промолчал.

* * *

С одной стороны от частного пансионата, метрах в трехстах — море, с другой — речка горная. Она любила медленно идти вдоль реки и наблюдать ее стремительное течение.

— Сколько здесь мальков! — сказала Инга. Поток захватывал ее.

— Это форель. Королевская рыба, — сказал Сергей.

А кругом розы, лавры, кипарисы, как в раю. Но девочке Гале хотелось в аквапарк. Галя визжала от восторга, когда ехала по горке, закрученной в спираль, и, выскакивая из этой вертушки в воду, громко кричала:

— Мама! Мамочка! Мамуля!!!

На них смотрели как на семью. Они везде ходили втроем: он, она и между ними Галя. На пляже они были вместе, катались на катамаране и на прогулочном катере, фотографировались. Сидели за одним столиком за обедом.

После обеда они отдыхали. У него жиле отдельное, веранда выходит в сад.

— Тетя Инга! — вбежала Галя в комнату-трешку. — Идите к папе, ему там скучно. Он, как и вы, тоже книжку читает.

А сама под села к столу и стала рисовать вместе с больной большой девочкой цветными карандашами море, горы и цветы.

Мама девочки с таким осуждением взглянула на Ингу, что той стало стыдно и больно, словно она воровала со стола чужой виноград. Но она встала и пошла — под взглядом, как под прицелом.

А вечером над горами сгустились тучи, полил ливень, разразилась гроза. Инга стояла на ступеньках веранды и со страхом и наслаждением впервые наблюдала грозу над горами. И вдруг почувствовала, как Сергей подошел сзади, прижал ее, словно маленькую девочку, и погасил в ней страх перед этой горной грозой. В комнате Сергея было тепло и уютно. Дочка уснула, отвернувшись к стене. Он, наливая каберне в пластиковые стаканчики, прошептал: «За тебя!»— «За нас?» — вопросительно добавила Инга.

Сергей взглянул ей в глаза и — промолчал.

По крыше стучит дождь. Молния бьет по горам, разрезая их огненной линией, а она не видит...

* * *

Ночью вставала между ними темная виноградная терраса, словно ущелье в горах. Утром Инга проснулась в пять часов, встала, не включая света, тихонько накинула халат. Легкий утренний свет уже лежал розовой полоской на горах.

— Ин-га? — проснулась девочка. — Ты куда идешь?

— Спи, еще ночь.

— Не ходи, там серый волк.

Инга шла к нему по влажному виноградному туннелю, промытому ливневым дождем. Виноградная лоза зацепилась за волосы, щекоча молодыми побегами усов. Дорожка предательски шуршала, и она шла-шла, ступая сначала на носок, а потом на пятку, чтобы меньше было шума, чтобы никто не увидел и не услышал, как она крадется, словно мышь. И в благодарность за эти страхи — поцелуй, поцелуй...

* * *

Инга не могла не замечать взгляды окружающих. Русские даже на отдыхе быстро узнают друг о друге все и, не стесняясь, вмешиваются в личную жизнь. Какая-то особая благодатная, связующая родственность заставляет их интересоваться и переживать за поступки людей, с которыми они знакомы порой всего неделю. Следующим вечером Инга сказала женщине по комнате, что он одинок, разведен с женой. Косой взгляд соседки перестал осуждающе следить за ней.

* * *

Сергей с дочкой уезжал раньше. На вокзале не было провожающих. Отдыхающие приезжали и уезжали сами. Объявили отправление. Он слегка губами коснулся ее губ. В эту последнюю минуту она ждала от него одного-единственного слова — «увидимся». Но он промолчал. И тут неожиданно Галя капризно сказала: «Папа, спроси у тети Инги телефон, я хочу ей позвонить». Инга продиктовала, он внес в записную книжку в мобильнике. Протянул ей визитку, ничего не обещая.

Она вернулась в пансионат одна. Одна сидела за столиком за обедом. Хозяин гостиницы любезно предложил ей перейти в двушку, которая теперь, после отъезда Сергея, освободилась. Инга покачала головой и чуть не расплакалась на глазах у всех. Она шла через дворик, никого не видя, слезы, словно волна, накрывали ее.

— Ин-га? — встала перед ней девочка с добродушно-глуповатой улыбкой. — Ты куда идешь?

— На море.

— Возьми меня.

— Тебе одной нельзя. Ты с мамой пойдешь.

— С моей?

— Да. Я ведь не твоя мама!

— Не ходи одна на море, там серый волк под горой, зубы точит, нас съест хочет.

...Инга шла к морю шесть минут прогулочным шагом по дорожке вдоль реки. Река эта имела странное название — Скорпион. У этой горной реки было особое течение. Река Скорпион была совсем не похожа на ту реку, где Инга выросла и где почти нет никакого течения. Она, глядя, как мальки форели смешиваются с серебристыми острыми камешками в бурном потоке, вдруг вспомнила его взгляд, такой же стремительный, пронзительный и острый. Вспоминать было и приятно, и больно. Она, как королевский малек, тоже не смогла удержаться на мелководье своей жизни.

И вот река незаметно вновь вывела ее к морю. Инга бросилась в волны. «Море! Я люблю тебя! Благодарю тебя, море, что я здесь, — поднималась она на волну. — Благодарю тебя, волна! Я счастлива! Волна ласкает меня! Любит меня! Море, как я долго ждала тебя».

...А вечером в виноградном туннеле Ингу встретил хозяин гостиницы и опять предложил перейти в двушку, чтобы больная девочка ей не мешала. Он сказал, что подселать к ней никого не будет. Хозяин был гостеприимный армянин.

— Я люблю детей. Спасибо, — вежливо отказалась Инга.

Своих детей Инга не успела завести, ее муж погиб, как это теперь называют, в одной из «горячих точек» страны.

* * *

* * *

...Инга приехала домой. Кофейная гуща в чашке засохла, сжалась, как шагреневая кожа. Но, когда она привезла из деревни свою маленькую собачку, которая искренне радовалась ее приезду, жизнь вернулась в прежнее русло.

Сергей позвонил через три дня, поздравил ее с днем рождения. Она пригласила его на вечер – девичник. Он вежливо отказался, сославшись на командировку. Но когда гости перешли к десерту, неожиданно раздался звонок в передней. «Даже без цветов», – с горечью ответила Инга.

Как-то быстро ушли подружки, они остались одни.

– Я не понравился твоим подружкам, – заметил он, звякнув ложечкой в кофейной чашке. В той самой чашке, где она увидела его, нагадала роман на кофейной гуще.

– С чего ты взял... В конце концов, ты мой друг, и я вправе сама сделать выбор.

Инге казалось, что и он сделал выбор, их курортный роман будет продолжен. Ведь она так рада его видеть. Но почему же он молчит?

И тут она поняла: он любит власть, деньги, женщин. Там, у моря, она почувствовала какую-то заботу о себе, связанную, может быть, не с деньгами, а с чем-то большим, важным, необходимым. Казалось, он умеет разумно пользоваться той властью, которую чувствует над ней. Он был всегда такой любезный, целовал руки, ухаживал. С ним все было хорошо.

И вот они встретились. Его глаза изменились, властные глаза стали жестче, и они словно говорили: курортный роман – это просто курортный роман. Он сказал, что уезжает в Москву зарабатывать деньги, что жить здесь на такую зарплату ему стыдно. Он пришел попрощаться и честно сказал, что эта встреча последняя.

На выходные Инга поехала к маме в село, где она выросла. Рядом с их домом, где жили отец, прадед, дед, был храм. В храме молились о благополучии жизни и благодарили Бога за каждую земную радость. А потом в храме иконы сняли и там хранили обычное зерно, очищенное от плевел тяжелым крестьянским трудом. И она, когда была такой, как Галя, прыгала с ребяташками сверху в зерно и хохотала.

Теперь самое приятное впечатление давала река. Несколько лет назад рядом строили дорогу, и песок для работ брали из старого русла реки, так Старица помолодела, очистилась, расширила свои берега. Но нет течения в Старице, она скорее не река, а пруд, которых много высохло в степных донских полях.

Тогда же построили и новое настоящее зернохранилище, а в храм вновь вернули иконы.

Августовское солнце заходило медленно, облака розовели, словно рябиновые грозди, горела полоска леса от погружения пламенного солнца, в багрянце была и Старица, удивительно отражая игру предосеннего неба.

– Не знаю, есть ли благодатная любовь в курортном романе, но мираж точно есть, – сказала писательница романов, которые правила Инга. – Расскажи все.

Инга начала рассказывать, и в ее памяти вновь стала оживать река Скорпион с серебристыми мальками королевской рыбы, которые, резвясь среди сверкающих камешков, не замечают, как сильное течение неотвратимо уносит их в море.

Быль снежной зимы

рассказ

Посвящая дочери Лене

Было очень морозно в ярко освещенном городе. Вечерние улицы светились праздничными огнями, машины перегоняли друг друга. В эту ночь наступит Рождество.

За углом, где открывался переулок, шумела и толкалась кучка взъерошенных парней. Наташа торопливо прошла мимо шумной ватаги. Смех и крики отдалялись. Но кто-то шел сле-

дом: становился отчетливым скрип снега. Молодая женщина насторожилась от этого догоняющего ее морозного хруста, поправила лисью рыжую шапку и пошла быстрее.

Электрический фонарь. Холодный свет на снегу. Тень ее фигурки вздрогнула и застыла. Резко остановилась и быстро оглянулась. Мальчишка неуклюже ткнулся ей в плечо. От неожиданности отскочил.

— Тетенька, а вы далеко живете? — Мальчишка с нее ростом, лет одиннадцати, голос простуженный.

— А что? — удивилась она, разглядывая преследователя: худое узкое лицо, ершистый, легкая болоньевая куртка застегнута на две нижние пуговицы.

— Пустите переночевать, — шмыгнул носом, потер его голый, без варежки, рукой.

— Извини, мне ехать далеко, — жалость и настороженность боролись в ней.

Оглядываясь и нелепо подпрыгивая, мальчишка шел сбоку, засунув руки в накаливающие морозом карманы.

— Застегни пуговицы! — Она приглядывалась к нему.

Окоченелые согнутые пальцы забегали по льдинке пуговицы, но она, скользнув, опять вынырнула из разорванной петли, впуская стужу к детскому продрогшему телу.

Подошел автобус.

— Тетенька, к вам можно? — не отставал мальчишка.

Клубы едкого газа, словно мыльные пузыри, вылетали, обдавая угарным теплом.

— Садись, — бросила она через плечо, кивнув лисьей шапкой, и быстро зашла в автобус. Она заплатила за двоих.

Мальчишка легко вскочил следом, не вынимая рук из карманов. Неловко, боком сел на свободное место, постукивал ботинками, согревая ноги.

В морозном блеске мелькали огни рекламы. Город сверкал в ожидании чуда, праздника, счастья.

— А до вашего дома далеко ехать? — Подышал на красные пальцы, зажал их между колен, стараясь заглушить морозную ломоту.

— На следующей выходим. — Она прошла к выходу.

На освещенной красными гирляндами оста-

новке Наташу ждал муж, невысокий, плотный, в кожаной длинной дублёнке. Взял из рук жены сумочку, притянул за плечи, согревая. Она торопливо объясняла ему ситуацию. «...Что-то случилось, — долетали до мальчишки слова. — Я еще не поняла. Ему некуда идти, я пригласила его к нам».

Мальчик видел, как она изменилась в лице, разволновалась, словно не была хозяйкой.

— Мы решили. Ты пойдешь к нам. — Подошла к своему преследователю, трогая его за плечо, ощутила морозную ломкость шуршащей куртки. — У нас праздничный рождественский ужин. Согреешься. У нас тепло.

— Не надо! — Мальчишка отдернул плечо. — Я сам как-нибудь. Мне есть куда пойти. Куда-нибудь пойду...

— Иди туда, не зная куда? — рассмеялся муж, подходя ближе.

— Не надо, — повторил мальчишка, упрямо борясь с дрожью от холода. — Зачем вам ругаться потом? — И с дерзким вызовом бросил: — Я не замерз! — взглянув исподлобья, опять насупился.

— Так как же тебя зовут? — Мужчина снял со своей руки кожаную перчатку на натуральном меху и протянул теплую ладонь.

— Али, — сказал черноглазый мальчишка и разжал в кулаке пальцы.

— Али. А по-нашему Алик, значит, как моего друга. А меня Сергей. — И, придумывая условия игры для этой ситуации, Сергей добавил: — А теперь пойдём в наш терем-теремок. Он не низок, не высок. В тесноте, да не в обиде, как деды говаривали, да? А ты серьезен, да легко одет, брат. А тут русские рождественские морозы наступили! Мороз-то, он, видишь, не тетка, шутить не любит.

— Мне не холодно! — не принимал Али наигранного тона. — Правда. Я привык. Правда. Сергей, а вы далеко живёте?

...В квартире тепло и уютно. Комната тесно заставлена: шкаф, два кресла, телевизор, письменный стол, стеллаж для книг, как перегородка.

Али казалось, что он дома, в Таджикистане, и было ему так тепло и хорошо на душе, что возник какой-то покой. Мальчик не чувствовал ни натянутости, ни стеснительности ни за столом на кухне, ни в кресле перед телевизором: чувство было такое, как будто Наташа его

старшая сестра. На столе были фрукты. И Али ел мандарины и виноград, торопясь и смешно всхлипывая от насморка.

— С Рождеством, Наташа! Будь счастлива! — поздравлял Сергей, улыбаясь. — С Рождеством, Али! Пусть будет всё хорошо!

Наташа постелила мальчику на раскладушке, слышала, как он скрипел натянутыми пружинами и вдруг затих во сне. Где-то в других квартирах, из другого мира доносились приглушенные звуки. Полночь: у кого-то просигналило радио и смолкло. Она заставляла себя уснуть, не думать, не вспоминать. Но память сама перелистывала страницы прошлого. Воспоминания из детства приходили, словно сон: превращались в мысли о жизни, ей было приятно, что мальчик спит за перегородкой в тепле ее квартиры.

...Утром Наташа решила провести свою одинокую тётю Элли, отнести ей рождественский подарок.

У тёти Эллы была в гостях соседка Зоя — тоже одинокая пенсионерка, страдающая множеством болезней.

Наташа рассказала о мальчике, который вчера её напугал в тёмном переулке:

— ...А сейчас вот посадила его на автобус до автовокзала, дала на дорогу денег. У мальчишки, кажется, ни копейки не осталось, говорит, все фильмы пересмотрел.

— Ты уверена, Наташа, что он поедет на автовокзал? — недоверчиво улыбнулась тётя Элла, она уже давно относилась ко всему с предосторожностью.

— Как ты решилась пустить с улицы в свою квартиру мальчишку? Да ещё в такой праздник! — недоумевала Зоя, очень активная и уверенная женщина. — В жизни ведь всякое бывает. Вот в одном доме соседка сжалилась, тоже пригрела девочку с улицы. Так в благодарность знаешь что получила? — Зоя возмущенно повернулась, проскрипев стулом. — Обворовали ее. Оставила она девочку в квартире, вышла в магазин. И все! И вся вам благодарность!

— Как это случилось? — насторожилась Наташа, подаваясь общему настроению.

— Как? — передразнила, удачно копируя интонацию, Зоя. — Жизни ты не знаешь! Случилось то, что и должно было случиться. Воровкой оказалась девочка. Какая разница как?! Вернулась,

значит, соседка из магазина, — увлечённо, словно на сцене, рассказывала Зоя. — Входит и видит: девочка сжимает что-то в кулаке. Тут приятельница моя подходит к ней и говорит: «Разожми пальцы!» И как вы думаете, что в руке оказалось? — Выдержала паузу, как опытный актёр, и с казнящим осуждением сказала: — Девчонка-то вороватая! — И усмехнулась: — А десять тысяч соседка-то нарочно положила на пианино, не сверху, а прямо на черную крышку.

— Сколько этой девочке лет? — задумалась Наташа.

— В школу пошла, в первый класс, а воровать уже научилась. А еще случай был... — Зоя раскраснелась от воспоминаний. — Тоже вот так... Переночевал один мальчик с улицы, а через неделю эту квартиру и обчистили! — Она поднялась со стула, подошла к Наташе, положила ей руки на плечи, посоветовала: — Позвони в милицию. Береженого бог бережет. А что-нибудь такое, необычное, заметили за ним?

— Не знаю, — пожалала плечами Наташа. — Все было странно с самого начала... Я даже испугалась: снег, как разбитое стекло, хрустел, и шаги все ближе, ближе... Ах, думаю, все отдам, лишь бы не били... И когда он мужа увидел на остановке, вдруг идти не захотел... Крутил, рассматривая, замок, когда утром выходили из квартиры.

— Нет, я бы так глупо не поступила! Зачем все усложнять? Надо принимать все как есть. Мир не переделаешь, — убеждала тётя Элла, энергично крутя диск телефонного аппарата. — Есть специальные люди в милиции, которые занимаются такими детьми. Вот пусть каждый и делает свое дело.

— А как он вел себя ночью? — не унималась соседка.

— Не знаю, — устало ответила Наташа. — Мне снился сон... Как будто я сына родила.

— Сон-то сном, а что теперь в твоей квартире делается? Вспомни всё! — приказывала тётя Элла, волнуясь всё больше и больше за любимую племянницу. — Что он говорил?

— Он говорил, что не видел еще квартиры без телевизора. — Наташа продолжала вспоминать вслух.

— Вот-вот! — недоверчиво усмехнулась Зоя. — Что за такой страховой агент, что квартиры обходит? Испортит вам все новогодние каникулы.

— Да, Наташа, и я тебе как дочери советую:

вспомни все, подумай и позвони в милицию, — настаивала тётя Элла. — В молодости я тоже была доверчивой.

— А муж где?

— В лесу.

— В лесу?! Где? — удивленно вскрикнула Зоя. — Это ещё что?!

— Он же у меня спортсмен. Летом — плавание, зимой — лыжи. У нас-то и воровать нечего, только книги...

— У меня все вынесли! Белым днем! А Сергей в лесу! На лыжах! И будет дома, как в лесу! Голо всё! Алло! Милиция? — Тётя Элла властно протянула телефон Наташе: — Говори!

Наташа не узнавала своего голоса. Ей что-то отвечали, что-то спрашивали. Но ей вдруг стало грустно.

...Возвращаясь домой, Наташа прошла пешком несколько остановок. Зима отступила, обмякла, снег стал грязен. Еле дошла до дома.

— Наташа, а тут милиция приходила, интересовалась! — Сосед Иван — ветеран войны — курил на лестничной клетке. — Что случилось?

— Так. Ничего, дядя Ваня.

Хотела Наташа пройти мимо пожилого человека, но вдруг остановилась и сказала доверительно:

— Мальчик у нас ночевал.

— Что за мальчик? — заинтересовался Иван. — Кто? Откуда?

— Али. Переселенцы, наверное, из Таджикистана.

И Наташа рассказала ему все:

— Я не понимаю, почему я стала бояться воров. Зачем позвонила в милицию, не знаю.

— Может быть, не в ворах дело? — с доброй улыбкой спросил Иван. — Люди стали какие-то другие. Дикий, изнуряющий страх. Страх веру убивает. Почему разучились доверять? Мы во время войны и то больше доверяли друг другу.

— Мне кажется, что звонком в милицию я себя предала, а не мальчика. Когда стала бояться? Почему я не доверяю себе?

— Не волнуйся, Наташа. Твой Али будет помнить тебя. Доброе век не забудется. С Рождеством!

Наташа открыла дверь своей квартиры и вошла. Вспомнилось, как ее пригласила нез-

накая женщина. В Москве. Это было так давно. Она сдавала экзамены в Литературный институт. Проснулась... Ключ на белой бумаге. И тишина. И записка: «Завтрак на столе. Подогрей чай. Ключ положи под коврик у двери. Ни пуха ни пера!»

В тот счастливый день Наташа сдала на отлично свой вступительный экзамен. И была такой счастливой!

18 марта 2009

Золотая мушка

рассказ

Памяти

Митрофана Федоровича Подовинникова

Пчела села на изрезанную морщинами руку, но баба Дуся даже не пошевелила мизинцем, чтобы прогнать золотую мушку.

— Пчелка золотая. — Баба Дуся ближе поднесла руку к глазам и стала любовно разглядывать, как та что-то выискивала среди морщинок и жил. — Что же ты жужжишь?

— Укусит, — забеспокоились женщины на скамейке. — Ужалит!

А пчела, как трель в дрожащем воздухе.

— Нет, пчела зря не кусает. Она мушка умная. Мой дед с этой пчелой всю жизнь. Да вот в больнице... Не хотел дед в больницу ложиться, да, спасибо, я уговорила. А как обвыкся там, так и про меня, старуху свою, забыл. — Маленькая баба Дуся покачивала детскую коляску и вела разговор с народом на скамеечке. — Ну, по второй неделке домой все же запросился, — улыбнулась, морщинками играя.

К ней испытывали невольное уважение, будто ее муж или брат были героями этого небольшого города.

Пчела вернулась, опять исследуя, кто сегодня из бабушек-старушек варил варенье.

— Пчелочка золотая, что же ты жужжишь?.. — пропела баба Дуся и вдруг дерзко, по-женски хитровато, взглянула на всех выцветшими голубоватыми глазами и доверительным шепотом поделилась:

— Видать, заскучал.

Пчела полетала над скамеечкой, но ни на кого не села и никого не напугала, и ее уже не боялись и не пугали, махая руками. Исполнила золотая пчелка свой небесный отрешенный ноктюрн и улетела.

— Вот и сейчас вторую неделю живу у дочери, а мой Михаил уже зовет меня. А ведь уговорились: буду месяц гостить... Молчал, молчал, потом отпустил меня все ж. «Съезди, — говорит, — тебе все одно ночью не спишься. Поняньчишь». А сам телеграмму вчера прислал: приезжай, а то помру. Нет бы в письме что да как написать, а то телеграммой, страсть как напугал. Ну, вправду заболел, а может, дурит? Надо ехать! — Затянула потуже синий шерстяной платок, морщинка между бровями пересекла лоб до самой линии волос.

Налетал ветер. Но пенсионерам со скамейки уходить по изолированным квартирам не хотелось. Одевались потеплее, собирались к подъезду бабы Дуси. Интересно иногда посидеть среди них, да времени не хватает.

— По весне-то он у меня в больнице лежал: кашлял. — Баба Дуся говорить умела, вроде ни на кого не глядит, ни с кем спор не ведет, а все слушают. — Легкие лечили. Страсть сколько уколов принял. Ну, больница у нас хоть и небольшая, в два этажа, а хорошая, теплая, чистая, и все врачи есть. А кто совсем тяжелый, того в город везут. Таких-то, как мой дед, сами лечат. Не нравится деду моему, что больницу вместо церкви построили, за парком. Из окна и лес, и речку, и наш поселок далеко видать. Прямо тебе дом отдыха, ну нет, заскучал дед мой, домой запросился. А врачи ему: «Отдыхай, дедуля. Недельку еще полежите, курс надо закончить». Ну и ждет курсов утром и вечером мой дед. Подойдет медсестра. Она такая, как лисичка. А сама шприц так легко держит, словно играет, и улыбается. Лицо узенькое. И говорит быстро-быстро, будто стреляет буквами: «Укольчики. Укольчики». Молоденькая, тоненькая, страсть какая, прямо балерина. Практику после учебы проходит. И так утро, вечер, утро, вечер — практика. Крякнет дед, да молчит. Такие-то наши курсы стариковские...

Подняла руку перекреститься, вздохнула, посмотрела в окно, опять вздохнула и продолжала:

— А я хожу к своему деду, гостинцы ношу: то яблочка, то огурчика соленого, картошечки домашней отварной, медку стаканчик принесу. А

что еще надо больному да старому человеку? Ну, а когда у самой в голове гудит, точно самовар, ну, думаю, дед, сегодня не приду, а назавтра получше вроде, опять иду. Скучно одной страсть как.

Она сжалась, ссутулилась, лицо, как пожухлый лист дуба, зябнет, высыхает, горюет по теплому солнышку.

— Ему-то веселей. В палате их двое.

К скамейке еще подошли две старушки и молча, уважительно остановились, может, опять что про политику расскажут, кого куда выбирать, кто за кого теперь будет голосовать. Пойди разберись, каждый день ветер с другой стороны дует. А в их дворе и вообще сквозняк и солнца нет. Дома-то по двенадцать этажей, это не свой домик в деревне. А на даче на зиму не останешься.

— Вроде как с почетом положили моего деда... Ветеран! — Баба Дуся помолчала ровно столько, чтобы вызвать уважение к «ветерану».

Закивали, слушая, старушки на осенней скамеечке, мол, знаем, знаем — добродетель вознаграждается долгой жизнью.

— Мой-то Михаил долго покашливал, а тот, второй, с чем-то другим лежал — не кашлял. Молодой еще мужчина, не на пенсии. Он-то курсы свои быстро прошел — выписался. — Лицо ее от прожитой жизни сильно изменилось, лоб открытый и высокий, но кажется, что все кости обтянуты какой-то складчатой кожей: все сплошь морщины, морщины, сквозь которые видна врожденная пронизательность. — Ну, привели другого. Этого-то мы с дедом знали, как не знать. Петровича привели, вот ведь бог свел двух друзей-товарищей. Петрович этот на один вопрос десять ответов даст. Ох, и любил говорить! Не то что первый-то, молодой, все молчал и молчал... А этот специалист в словах-то. А потом, уже под пенсию, работал мой дед с ним недолгое время, да ушел от него скоро. Мой дед хитрить не любит, воровать не умеет — нутро не так устроено. Не крал, не врал. А Петровича поставили начальником над дедом. Он вначале-то, как мой Михаил, сам работал: на заводе слесарил. Потом по здоровью на хоздвор перешел. Вот с хоздвора все и началось. Тогда они вместе с дедом мало поработали. Да вдруг Петровича поставили завхозом. Ну, тут человека как подменили, прямо страсть, чисто ходить стал по хоздвору, при галстукке. И когда ж это ему Нюрка выглаживала все, сроду утюга в руки

не брала. С «ты» на «вы» стал звать, ну смех, да и только. Я своему деду говорю: «Смотри, как человек переменялся, гладкий стал, культурно оделся, вот бы и ты так, и тебе бы нашлось место, где хребет не ломать». А дед только смотрит на меня: шучу я или всерьез? Молчит. Ну а я вижу: места себе не находит. Петрович-то вроде дружкойм его был. Давно знал его дед, воевали на одном фронте. Кое-кто уж над моим-то и посмеиваться стал: позавидовал ты, дед, дружку-то своему, не стерпел его власти над собой. А мой возьми да и скажи: «Ну ладно, те жуликами и родились, а этот ведь человеком был...»

И заявление подал.

Петрович два раза домой к нам приходил, угваривал остаться. Заявление порвал. А мой: «Нет!» И все. «Не могу, — говорит, — теперь тебя видеть». А тот все одно твердит: «Я тоже как человек пожить хочу. Все так живут. Я как все...»

Ну, мой после этих разговоров совсем сбесился: «Все... Научились. Взяли моду. Все! Чуть что — все... Единогласно, значит? А вот я — против! Меня кто спросил?! Все...»

Я осерчала да ему в ответ:

— А кто ж тебя будет спрашивать, если ты все молчишь... Не крал, не врал, а молчал!

Так обиделся на мои слова, страсть как: молчит день, молчит два. Пока от Петровича не уволился, так и молчал. А Петрович-то на пенсию ушел с замдиректоров, с почетом, хорошую пенсию ему дали.

...Ну, как зашел Петрович в палату к моему — увидал его дед, опять замолчал. Приду, а он выйдет и молчит. Я ему: «Что ты на меня злишься?.. Я тебе, что ли, твое Александра Петровича подсунула?» Ну, потом вижу: вроде повеселел, видно, поговорили, простил, пожалел, Петрович-то тяжел уж был.

Зашла я как-то в палату, поглядела на дедова начальника, лежит полный, не худел, лицом круглый, а бледный как мел, ну я и спрашиваю:

— Что у вас болит-то, Александр Петрович?

Это я его как начальника, с Петровичем-то, чтоб ему приятно было, больной человек-то.

— Все болит.

— А лицом-то вы гладкий...

А он мне:

— Да что лицо, я вот дышать не могу, все будто воздуха не хватает...

Гляжу я, впрямь, мается: в руке пальцы жмет,

жмет, потом рот откроет, воздуху глотнет, вроде как зевок такой, и будто ему легче. А руками вверх-вниз, вверх-вниз, зарядку делает. А сам лежит высоко на двух домашних подушках, лежит, ну барин тебе. Нюрка-то ему всего и несет, и везет, чего у других нет: то лимон облизывает, то виноград сосет, и балыки, и шашлыки, и черную икру, и красную... И деду моему предлагает, а дед мой гордый, не берет... Так Петрович-то размажет на хлебе и мусолит, мусолит. Каждую икринку языком-то слизывает, раскусит, пососет, страсть смотреть-то. Да еще рассуждает, что черная-то икра не то что эта... Во всей банке-то, небось, икринки пересчитал. Ох, батюшки, грех какой. А колют ему все лекарства хорошие. Нюрка где-то доставала, видно, не зря в люди-то спешил выбиться, чувствовал... А наших-то все нашими лекарствами лечили.

Вдруг мой дед тоже запросил икры и лимону. А где ж я ему?.. Я страсть как осерчала, два дня к нему не ходила. Медок у него есть, варенья всякие, а он вишь чего захотел. Ну, в городе бы жили, купила бы штучку пососать, а тут где ж я ему возьму. Совсем спятил мой дед, забарствовал. Да хорошо, выписали скоро. Хоть не поправился телом, такой же худой пришел из больницы, а кашлять почти перестал. Полегчало. Дед-то мой сухонький, как на войне-то подсох, так и не поправлялся больше. От истощения в войну-то в Москве лечили. Когда из плена бежал, месяц лесами шел, корнями, грибами да травой питался... И, правда, пил после войны, страсть сколько пил, словно пожар внутри заливал. А как занялся пчелами, пить бросил. Сам. Еще до больницы, без всяких уколов и гипнозов ихних. Сам бросил. И курить перестал. Сам! Без таблеток. А как усох тогда, так и не поправляется.

А пчелу-то мы в прошлом лете ликвидировали: выезжать сил нет, а возле дома стоять будет — пропадет, все химия везде, все травят, а пчелке чистый цветочек нужен, нектар берет, медок. А дед мой ой как любит пчелу! «Золотая мушка, — говорит, — природу понимает». Как пчелу-то решил продать, так мой дед аж заболел. А красиво утром на заре: пчелки зажужжали, полетели...

Вдруг люлька зашевелилась, раздалось детское сопение, и, казалось, вот-вот вырвется крик. Баба Дуся встала и несильно потрясла ручку коляски, приговаривая:

— Спи, спи, ишь, зачехуршился. Рано еще кор-

миться, пусть мать от тебя отдохнет. Спи. Ну вот... Спи, спи...

— Ой! Пчела! — Женщины замахали руками.

Пчела исполняла незаконченную мысль из одного мотива...

Баба Дуся, постояв, заглянула в коляску и не спеша села:

— Вот иду я как-то: на крыльце стоит Нюрка, ну жена-то Петровича, что икру лизал.

— Что это ты стоишь? — спрашиваю.

— Заходи, — говорит она.

Ну, я поднимаюсь на крыльцо. А сама на нее смотрю и опять:

— Какие дела?

А она мне:

— Проходи, увидишь, какие мои дела...

И дверь открывает в дом, а меня вперед пропускает. Вхожу, а прямо передо мной — гроб. А в гробу он, Петрович-то. Ну, я так и онемела. Смотрю, а слова сказать не могу, страсть как напугалась.

А Нюрка мне:

— Вот такие мои дела... И что я только не давала врачам, чего только не несла в больницу... А он в последнее время мне все говорил, что, мол, Нюра, ничего не жалеи: здоровье будет — все будет... Тыщи на больницу ушли. Выписали, а дома-то помер. Да уж, видно, такой человек: лицо как яйцо, а внутри болтун...

Да, так и сказала мне.

А я так говорю:

— А зачем вы даете? Кто у вас просит? Кто заставляет? Вот так. Не давай! А кто даст — тот помрет. Я вас спрашиваю: «Зачем вы даете?»

А дед мой молчал, молчал, а потом говорит:

— Дает тот, кто сам берет. Они, эти деньги, с душком, долго не задерживаются, так и ходят с рук на руки, пока за руку не схватят или сам не помрет... Если этот душок к рукам прилипнет — не отмоешь: едкий больно.

Вдруг громко заплакал ребенок.

— А! Вот! — Вскочила женщина и замахала руками. — Там пчела! Пчела!

В коляске жужжала пчела. «Д-жю! Д-жю!» Баба Дуся неторопливо повела рукой, и пчела вылетела. Потом она затянула концы синего платка, встала, маленькая, ссутулившаяся. Поправила одеяльце в коляске и, поклонившись всем, повезла внучка к подъезду:

— Все, все. Еду, молчи, проснулся... Услышал... Все понимает. В деда Михаила пошел.

А глаза бабы Дуси так живым небесным светом и поблескивают, а голос, ласковый, шуршащий, как дубовые листья осенью.

□

Надежда Митрофановна СЕРЕДИНА

Прозаик, публицист.

Окончила Воронежский государственный педагогический университет и Высшие литературные курсы при Московском литературном институте им. М. Горького.

Публиковалась в журналах «Москва», «Роман-газета XXI век», «Мир женщины», «Подъём» и др.

Автор 25 книг, среди которых «Подростки», «Тайна личной жизни», «Черная птица на белой сирени», «Пленницы грехопадений».

Отмечена премией журнала «Мир женщины» (2001) за лучший рассказ, лауреат областной премии им. И. Бунина (2002), призер 6-го Международного конкурса им. М. Волошина (2008).

Главный редактор газеты «Художественная литература и жизнь».

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

